

IV. ЕСЕНИН В ЗАРУБЕЖЬЕ: РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ

РАННИЙ ПРИЖИЗНЕННЫЙ ОБРАЗ ЕСЕНИНА ВО ФРАНЦИИ

© 2025 г. Мишель Никё

Аннотация: Раскрытие темы, заявленной в заголовке статьи, начинается с прояснения и углубления смысла введенных в 1920-е гг. Ю. Тыняновым понятий «лирический герой» и «литературная личность», в том числе применительно к процессу созидания (в те же годы) переводчиками и литературной критикой образа Есенина для французского читателя. Прослеживаются этапы этого процесса (статьи Е. Извольской «La littérature mystique au pays du bolshevisme <Мистическая литература в стране большевизма>» и П. Паскаля («Une âme russe et deux poèmes <Одна русская душа и две поэмы>»), заметка С. Фюмэ, статья Ф. Элленса «Великий современный русский поэт: Сергей Есенин»). Привлечены воспоминания Элленса о его первой встрече с Есениным (1922 г.) и о работе над переводами произведений поэта.

Ключевые слова: С. Есенин, лирический герой, литературная личность, Ю. Тынянов, Ш. Бодлер, Е. Извольская, П. Паскаль, С. Фюмэ, И. Эренбург, Ф. Элленс, М. Милославская.

Информация об авторе: Мишель Никё — доктор филологических наук, заслуженный профессор, Университет Кана — Нижней Нормандии, Кан, кампус 1, Франция.

E-mail: m.niqueux@wanadoo.fr

Для цитирования: Никё М. Ранний прижизненный образ Есенина во Франции // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 577–593. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-577-593>

EARLY LIFETIME IMAGE OF ESENIN IN FRANCE

© 2025. Michel Niqueux

Abstract: The disclosure of the topic stated in the title of the article begins with the clarification and deepening of the meaning of the concepts of “lyrical hero” and “literary personality” introduced in the 1920s by Yu. Tynyanov, including in relation to the process of creation (in those same years) by translators and literary critics of the image of Esenin for the French reader. The stages of this process are traced (articles by E. Izvol'skaya “La littérature mystique au pays du bolshevisme <Mystical literature in the land of Bolshevism>” and P. Pascal (“Une âme russe et deux poèmes <One Russian soul and two poems>”), a note by S. Fume, an article by F. Hellens “The Great Modern Russian Poet: Sergey Esenin”). Hellens's memories of his first meeting with Esenin (1922) and his work on translations of the poet's works are included.

Keywords: S. Esenin, lyrical hero, literary figure, Yu. Tynyanov, Ch. Baudelaire, E. Izvolskaya, P. Pascal, S. Fume, I. Ehrenburg, F. Hellens, M. Miloslavskaya.

Information about the author: Michel Niqueux, DSc in Philology, Professor Emeritus, University of Caen-Normandie, Campus-I, Cannes, France.

E-mail: m.niqueux@wanadoo.fr

For citation: Niqueux, M. "Early Lifetime Image of Esenin in France." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 577–593 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-577-593>

Напомним прежде всего, что в 1920-е гг. Ю. Тыняновым для обозначения художественного образа поэта в лирике, соотношенного с личностью самого автора, но не идентичного ему, были введены понятия «лирический герой» и «литературная личность»: существует «стиховой Блок» и «биографический» Блок. То же самое для Есенина. В есенинских стихотворениях 1924 г. («Возвращение на родину» и др.) Тынянов улавливает опасность «распада, разделения»: «... литературная личность выпадет из стихов, будет жить помимо них; а покинутые стихи окажутся бедными»: «Литературная личность Есенина — от “светлого инока” в клюевской скуфейке до “похабника и скандалиста” “Кабацкой Москвы” — глубоко литературна. <...> Даже собачонка у деревенских ворот лает у Есенина по-байроновски»². И все же эта личность, связанная с эмоцией, была достаточно убедительна для того, чтобы вырасти в своеобразный внесловесный литературный факт. В последних стихах Есенина “личность” сыграла последний акт. Ни “иннок в скуфейке”, ни поэта, “жарящего спирт”. “Скандалист” покался в “скандалах”, драматическое напряжение ослабело. Личность больше не заслоняет стихов»³.

О выступлении на вечере, посвященном Есенину, в марте 1927 г. Тынянов заметил: «Хулиганство Есенина было литературного порядка сначала, алкоголь и т. д. — факты биографии последних лет»⁴.

Несмотря на спорность некоторых суждений Тынянова, понятие «литературной личности» позволяет рассматривать жизнь и творчество Есенина как одно целое, делая из его поведения, из его масок или ликов составную часть его

¹ Тынянов Ю. Блок (1921), Промежуток (1924) // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 118–123, 170–172.

² «По-байроновски наша собачонка / Меня встречала с лаем у ворот» («Возвращение на родину»). Как показал Э.Б. Мекш, Есенин ориентировался на фольклорную переделку 13-й строфы первой песни поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда» (Мекш Э.Б. Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига: Латв. гос. ун-т, 1989. С. 60–67).

³ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы... С. 171.

⁴ Там же. С. 474 (из архива В.А. Каверина, который содержит и другие неизданные материалы Тынянова о Есенине: см. там же, с. 501).

творчества, имеющую богатую литературную традицию. В этом смысле «литературная личность», как нам кажется, является более широким понятием, чем «лирический герой», который заключен в стихах: «литературная личность» включает и поведенческие модели поэта, объединяет человека и поэта. «Лирический герой», или «художественный образ», не замкнут в поэтическом произведении (что влечет за собой разграничение или противопоставление лирического героя и человека), а существует и в реальной жизни, что лучше всего выражается понятием «литературная личность». Здесь оно употребляется не как синоним «лирического героя», а как обозначение поэтической личности в целом, которое осуществляет свое самовыражение не только в стихах, но и в жизни.

О поведении Есенина, точнее о смене его поведенческих форм, мемуаристы много писали, и не стоит заново описывать похождения поэта в петербургских салонах в образе крестьянского Леля или в московских кабаках в цилиндре и лакированных ботинках, в лице имажиниста или скандалиста. Важнее отметить две вещи: сознательный характер этих масок и их связь с литературной традицией.

Крестьянский Лель уступает место пророку космической революции, а потом скандалисту... Эта смена обликов отражает внутреннюю эволюцию поэта и воздействие внешних обстоятельств, но преследует разные цели. Самой тривиальной была слава: обилие поэтов, соревнование поэтических групп и группировок в 1910-е и 1920-е гг. требовали от молодого поэта, жаждущего славы, постоянных усилий, чтобы о нем говорили и писали. Как и футуристы, Есенин должен был привлекать внимание: «Пошуметь надо, а то уже стали забывать меня»⁵.

Но эпатаж и «буйство» Есенина имеют и экзистенциальную цель: «Драmatизм поэзии Бодлера возникает, однако, оттого, что он ощущает себя отнюдь не только плотским, “соматическим” (как сказали бы гностики, о которых он нередко заставляет вспоминать) человеком, но и — с немалой силой — человеком духовным, “пневматическим”. Наряду с “животной личностью” в нем живет “прекрасная душа”, ведающая обо всех помыслах этой личности, неотступно следящая за ней и беспощадно ее казнящая, — душа, устремленная к Богу»⁶. Как и Бодлер, Есенин, «павший в пропасти, но жаждавший вершин»⁷, грезил о небе:

⁵ Ардов В.Е. Из воспоминаний // Минувшее. 1994. № 17. С. 189. На процессе 1923 г. Есенин говорил, что «через эти скандалы и пьянство он идет “к обретению в себе человека”» (Клычков С. Собр. соч.: в 2 т. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 2. С. 573).

⁶ Косиков Г.К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / сост., вступит. статья и коммент. Г.К. Косикова. М.: Высшая школа, 1993. С. 20–21.

⁷ Бальмонт К. К Бодлеру («Горящие здания», 1899).

Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.
(«Мне осталась одна забава...»)

Поведение Есенина, особенно в пору имажинизма и хулиганства моделировалось в соответствии с известными историко-литературными образцами (и этим отличается от бытовой «есенинщины» и «упадочничества»). Даже «на Кавказ его влекли личные связи и... литературная традиция. От нее, пожалуй, и шли его кавказские бесчинства. Крестьянскому сыну Есенину импонировало дворянское озорство Лермонтова»⁸.

Юродство, скоморошество, ряжение как формы «антиповедения» являются одной из этих моделей, и в последнее время исследователи стали говорить об этом в положительном смысле⁹:

«Мотивы, преемственно связанные с традицией русского юродства», явственно ощутимы в есенинской «Исповеди хулигана». Здесь и нарочитое самоуничтожение вплоть до подчеркнутой небрежности внешнего облика (*«Я нарочно иду нечесаным...»*), своеобразного сочетания шутовства и мученической готовности быть осмеянным и побитым камнями, подобно непризнанным пророкам (*«Мне нравится, когда каменья брани // Летят в меня, как град рыгающей грозы...»*), с демонстративной стойкостью сносить лишения и холод. <...> Шутовской эпатаж, к которому прибегает лирический герой, напоминает своеобразную форму бунта против «мира сего», которая находила когда-то выражение в нарочитом поведении юродивого, балансировавшего на грани между смешным и серьезным, трагическим и комическим»¹⁰.

Есенинское «хулиганство» связано с богатой русской литературной и народной традицией, как хорошо показала О. Воронова (особенно интересна связь

8 Герман Э.Я. Из книги о Есенине // С.А. Есенин: Материалы к биографии / отв. ред. Н.Б. Волкова, сост., подгот. текстов, комм.: Н.И. Гусева, С.И. Субботин, С.В. Шумихин. М.: Ист. Наследие, 1992. С. 179.

9 См.: Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека». М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 110–115.

¹⁰ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочье, 2002. С. 378–379 («Есенинское «хулиганство» как историко-культурный феномен»). Отметим, что «формы антиповедения» не являются специфически «национальными», а присущи всему западному средневековому миру, отцам-пустынникам первых веков, старозаветным пророкам.

«Москвы кабацкой» с «Повестью о Горе-Злочастии» или с «Историей славного вора Ваньки Каина»), но оно не укоренено лишь в «субстанциональной структуре русского национального характера»¹¹ (который является во многом конструкцией немецко-славянофильского происхождения и проявляется в самых различных формах). Не менее важны и французские литературные источники: романтики, прежде всего Мюссе, с произведениями которого «был прекрасно знаком» Есенин, — в особенности с его «Ночами», с которыми перекликается «Черный человек»¹², и «проклятые поэты», которые прибегали к эпатажу и к стиранию грани между лирическим героем и его реальным автором: речь идет о Бодлере, Верлене, который ввел выражение «проклятые поэты», Рембо и др.¹³. Этих поэтов переводили П. Якубович («Цветы зла»), И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Шершеневич и др., есть отклики на них в поэзии Есенина, которые еще предстоит выявить (параллели между импрессионистическими «Романсами без слов» Верлена и ранней пейзажной лирикой Есенина («пейзажи души»), между «Цветами зла» и «Москвой кабацкой»).

«В 40-е годы, стремясь поразить окружающих своим внешним видом, Бодлер с необыкновенной тщательностью заботится о «туалетах», щеголяя то в бархатном камзоле на манер венецианских патрициев, то, подражая знаменитому английскому денди Джорджу Бремелю, в строгом черном фраке и с цилиндром на голове, то, выдумав новую форму дендизма, в просторной блузе»¹⁴. В этом плане имажинисты (как и футуристы) ничего нового не придумали.

Есенинская конструкция «литературной личности» на первый взгляд подходит на «жизнестроительство» поэтов-символистов, преобразование жизни в произведение искусства. В эпоху революции слово «преобразование» было действительно любимым словом Есенина и лирический герой имел прометеевские черты. Но «хулиганство» Есенина 1920–1923 гг. уже не имеет эсхатологической окраски. Оно, как мы видели, выражение экзистенциального страдания и протеста, душевного разлада, растерзанности «я», пока постепенно «жизнь» не взяла

¹¹ Там же. С. 374.

¹² См.: *Shubnikova-Guseva N.I.* Французские источники Черного человека С.А. Есенина // *Revue des Études slaves*. Paris, 1995. Т. 67 (fasc.1). P. 127–140. В статье «Об Альфреде Мюссе» Пушкин называл Мюссе «повесой». Есенин же уподобляет Пушкина себе: «О, Александр, ты был повеса, как я сегодня хулиган». У Есенина слова «повеса» и «хулиган» — синонимы, «однако «повеса» у Пушкина — поведенческая модель фрондера, забияки, «гусара», не лишённого настоящего вольнолюбия» (*Никитина Е.* «Мечтая о могучем даре того, кто русской стал судьбой...» // Газета Саратовского гос. ун-та. http://paper.sgu.ru/?id_a=707).

¹³ См.: Проклятые поэты / сост., ст., коммент. М.Д. Яснова. СПб.: Наука, 2005. 494 с. (переводы М. Яснова); Есенин читал Верлена и Рембо (см. воспоминания И. Эренбурга // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М.: Республика, 1995. С. 208). О русских переводах Верлена см.: *Henry H. Verlaine, poète russe* // *Slavica occitania*. Toulouse, 2000. № 10. P. 179–193.

¹⁴ *Косиков Г.К.* Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни». С. 7–8.

вверх над «литературой» и не засосала поэта: «игра» стала неуправляемой. Но свой конец Есенин все-таки обрядил в литературную форму, дал ему «последний художественный штрих»¹⁵ (завершение поэмы «Черный человек», с обилием литературных реминисценций, самоубийство, сопровождаемое «посмертным» стихотворением, в котором слышен отголосок перевода А. Григорьевым немецкой масонской песни¹⁶). Он умер в соответствии с своим лирическим героем¹⁷, — творцом и поэзии, и собственной жизни и смерти. Жизнь и поэзия окончательно и навеки сомкнулись.

Как же формировался прижизненный образ Есенина во Франции? Ведь за исключением одного стихотворения, напечатанного в 1921 г.¹⁸, имя Есенина было неизвестным для французов до 1922 г.¹⁹. Решающую роль сыграли посредники (переводчики и литературные критики). Именно они создали первоначальный образ поэта, который уже потом сам поэт, на глазах у публики, дополнил своим творчеством и поведением (в особенности во время его «гастроли» на Западе).

Первым из таких посредников можно считать Елену Александровну Извольскую (1896–1975) — дочь министра иностранных дел (1906–1910) и последнего царского посла в Париже (1910–1917). В 1920 г. она примет католичество и станет деятелем русского католичества и экуменизма в эмиграции (в 1934–1939 гг. выйдет ряд ее статей о России в журнале «Esprit»). В 1921 г. Извольская перевела отрывки из поэмы Есенина «Инония» для «Revue de France» в составе статьи «La littérature mystique au pays du bolshevisme <Мистическая литература в стране большевизма>» Статья написана на основе стихотворных сборников (Блока, Есенина, Белого, Клюева, — о нем больше всего) и обзора А.С. Ященко «Русская поэзия за последние три года» в берлинском журнале «Русская книга» (1921, № 3)²⁰. Об «Инонии» Извольская приводит толкование Иванова-Разумника, для которого поэма Есенина не кощунство, а богоборчество. И спорит с ним: Есенин — псевдо-мистик, и он борется с Богом ради разрушения, а не созидания:

¹⁵ Розанов И. Есенин о себе и о других. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 11.

¹⁶ См. Ронен О. Из наблюдений над стихами «промежутка» // Пятые Тыняновские чтения. Рига Зинатне, 1990. С. 24–25. Вл. Хазан предлагает «еще один возможный претекст: двустрочное посвящение Гнедича на смерть Дельвига» (Khazan V. Заметки к теме «Смерть в художественном мире С. Есенина» // Revue des Études slaves. Paris, 1995. T. 67 (fasc.1). P. 50.

¹⁷ См.: Ibidem. P. 49–64.

¹⁸ См.: Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И. Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927) // Литературный факт. 2019. № 13. С. 346.

¹⁹ Речь не пойдет о восприятии Есенина представителями русской эмиграции, которые могли и раньше читать его стихи (и статьи о нем). См.: Шубникова-Гусева Н.И. Дискурс русской эмиграции о Есенине, конференция «Первые встречи Института Восток-Запад». Lyon, ENS LSH, 2–4 декабря 2004 г. http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php3?id_article=48

²⁰ Текст см.: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3. Кн. 1 / гл. ред. А.Н. Захаров; сост.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров. С. 77–79.

«Я иным тебя, Господи, сделаю» и «Не хочу я небес без лестницы» [Инония] — вот основные идеи этой странной философии: основать рай на земле, поместить идеал на уровне земли, соединить небо с землей лестницей, по которой поэт сможет подняться без труда и усталости, — это мечта Есенина.

Впрочем, этот пророк более одарен для поэзии, чем для мистических открытий; его творчество чрезвычайно оригинально, иногда сильное, всегда смелое. В нем есть искрометные, неожиданные места, которые поражают воображение и радуют его. <...>

Несмотря на свой вид дикого скифа, Есенин, несомненно, обладает большим талантом. Но у него нет ни грации, ни мягкости, ни настоящих эмоций. Пожалуй, это слишком много требовать от варвара, ибо Есенин — варвар, причем буйный, желающий захватить небо штурмом²¹.

Статья Е. Извольской получила довольно широкий отклик. Газета «Le Gaulois du dimanche» (18 апр. 1921) в обзоре журналов за подписью писателя Фелисьена Паскаля (Félicien Pascal; 1860–1939) приводит выписки из этой статьи, но автор видит в мечтах Есенина только «интеллектуальную бессвязность большевизма» и «бессмысленность». В «L'Intransigeant» от 27 апреля 1921 г. высоко оценивается статья Извольской (с упоминанием Есенина — поэта «большого таланта»). «La Revue mondiale» от 15 января 1922 г. за подписью J. d'A. [J. d'Argency, сотрудник журнала] приводит выписки из статьи Извольской и пишет о Есенине:

Самый одаренный среди них [имажинистов], несомненно, Есенин. Нотки Франсуа Вийона порой мелькают в этой странной поэзии, полной смелости и вызовов. С точки зрения выразительных средств она поражает своими очень житейскими, очень конкретными, очень чувственными метафорами²².

Сравнение Есенина с Вийоном (или Виллоном; François Villon, 1431 после 1463), — двух «проклятых поэтов» — обосновано: Есенин — «московский Франсуа Вийон» (так Е. Замятин определит лирику Есенина в эссе 1933 г. «Москва-Петербург»).

Вслед за своей статьей Е. Извольская поместила в изящном авангардистском журнале «Promenoir» (№ 4, август), издававшемся в Лионе, две строфы из «Преображения»²³.

²¹ Iswolsky Hélène. La littérature mystique au pays du bolshewisme // La Revue de France. 1921. Т. 1 (15 avr.) P. 643–644. Перевод М. Никё.

²² Перевод М. Никё.

²³ Можно заметить, что в 1921–1922 гг. именно эти две поэмы («Преображение» и «Инония») переводились на иностранные языки преимущественно.

В газете «L'Humanité» от 5 ноября 1922 г. опубликован перевод стихотворения «Я покинул родимый дом...», подписанный М. Милославской. Здесь начинается присутствие Есенина в левой прессе.

Важным посредником Есенина во Франции становится Илья Эренбург, который в августе 1921 г. дал на французском языке большую обзорную статью о положении и о творчестве русских поэтов, не покинувших Россию. Он распределял поэтов по политическому принципу. Есенин попал в группу тех, кто «с любопытством хочет осязать и пережить революционное потрясение». Заметка о нем содержит характеристики, которые будут повторять литературные критики:

Сергей Есенин, который до двенадцати лет был пастухом в далекой деревне, очень близко подошел к революции. Его предвидение социальных и политических перемен, его предсказания о России, которая стала избранной и загадочной страной и которую он называет в одной из своих книг Инонией, имеют много общего с апокрифами и Апокалипсисом, которые на протяжении тысячи лет были знакомыми книгами униженной России. Но наступил момент, который газеты назвали «конфликтом интересов города и деревни». Есенин не предал ни своих икон, ни своей избы, ни своих коров. Он проклял «железного гостя» и остался, как он сам говорил, «последним поэтом деревни». Его стихи полны трагизма, разврата и пьяного наплевательства. Это настоящие песни современной русской деревни, богатой и бедной одновременно, потерявшей веру во Христа и не нашедшей ничего вместо нее, завоевавшей свободу и не знающей, что с ней делать²⁴.

В следующем году пробольшевистский журнал «Clarté», основанный А. Барбюсом, опубликовал (№ 9 от 15 марта 1922 г.) две поэмы Есенина «Певущий зов» и «Товарищ» в переводе и с вступительной статьей Пьера Паскаля (католика-большевика, впоследствии крупного слависта):

Автор «Товарища» и «Певущего зова» — поэт Серж Есенин, крестьянин из Рязанской губернии, совсем молодой человек с рыжеватыми, как золото, волосами, читающий с глубоким чувством и любящий русскую землю.

Большевистская революция породила две школы поэтов: одни воспевают мощь железа и стали, величие машин и коллективные усилия титанов на темных фабриках, другие воспевают равнины и леса Россия, скошенные поля и скромные церкви, звезды и птицы, освобожденная, светлая и радостная деревня. Есе-

²⁴ Elie Ehrenbourg, La Poésie russe et la Révolution. Lettre inédite // Signaux de France et de Belgique. 1 août 1921, №4. P. 178–191 (пер. Marie Miloslavsky; рус. пер. М. Никё). Журнал издавался с мая 1921 г. по июнь 1922 г. Ф. Элленсом и Андре Сальмоном (André Salmon, 1881–1969, французский поэт, романист, искусствовед (защитник кубизма). Жил в Петербурге в 1896–1901 гг. и говорил по-русски. Автор революционной поэмы с русским названием: «Prikaz», 1919).

нин — один из них: даже когда он путается в городе, его образы — а для него они являются главными, поскольку он «имажинист» — остаются сельскими. Он поэт ржи и животных, которые трудятся вокруг пахаря. Он любит «колодцами ряжанских изб», благословляет «каждую звезду на небе и каждую траву на полях», любит гулять «по лазурным долинам среди телят и коров». Его любимый цвет — синий, лазурный, цвет небосвода, васильков и «тысячи детских глаз»:

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.

Образы Есенина удивляют; взятые детально, они не поддаются анализу. Они связаны не с абстрактной мыслью, а с великой коллективной традицией крестьянских легенд и мифов. Чтобы почувствовать их, городской человек должен поместить себя в рамки природы, этого великого живого тела, где все — люди, звери, Бог, звезды, пшеница, ручьи, холмы — едины в непостижимой общности. Луна — это маленький ягненок. Россия — телица, и поэт не мог бы лучше выразить свою привязанность к ней, чем отождествив ее с животным, которое всегда близкий к нему:

Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз [Октоих]

и Бог также получает эпитет телицы... Вся религия крестьянского поэта неотделима от природы. Дальше мы увидим, как младенец Иисус смотрит на голубей под крышей... Здесь нет философии, нет пантеизма, а есть искреннее, иррациональное чувство радикального единения всех существ на земле и на небе.

Есенин проклинал войну. Есенин приветствовал революцию. В революции он увидел пробуждение весны, неудержимый ледоход, бурный подъем половодья. В революции он увидел поэму освобождения и радости, и его уста вспомнили тогда антифоны Пасхального Воскресения! см. акценты «Певущего зова». В день битвы младенец Иисус со своим «товарищем», маленьким ребенком убитого рабочего, ложится рядом с ним в гробницу на Марсовом поле. Любовь идет рядом с подвигом революционера.

Таков был добрый Есенин в своем добром нраве, когда он еще не впал в крайности своих друзей-имажинистов²⁵.

²⁵ Цит. по: *Pascal P. Une âme russe et deux poèmes // Pascal P. Mon état d'âme. Mon journal de Russie. Lausanne: L'Âge d'homme, 1982. Т. 3: 1922–1926. P. 42.* Перевод google и М. Никё.

Через два месяца (17 мая 1922 г.) в рубрике «Несколько слов о...» газеты «L'Intransigeant» — самой распространенной из парижских вечерних газет — была опубликована заметка о Есенине, которая попала в поле зрения исследователей сравнительно недавно²⁶. Она принадлежит перу Станисласа Фюмэ (Stanislas Fumet, 1896–1983). Сын композитора, эссеист, поэт, критик, издатель, он станет одним из представителей социального католицизма и видным участником интеллектуальной жизни Франции; в том числе он примет участие в франко-русских литературных собраниях («Франко-русской студии») в 1929–1931 гг.²⁷ Фюмэ ратовал за связь искусства с метафизикой. Его заметка о русском поэте 1922 г. — одно из свидетельств тому, что именно этот год стал решающим в рецепции Есенина во Франции (и в Бельгии²⁸): перевод поэм «Певущий зов» и «Товарищ» в влиятельном коммунистическом журнале «Clarté» (см. выше), брак всемирно известной Айседоры Дункан с русским поэтом (2 мая) и их заграничное турне, издание сборника стихотворений Есенина с включением поэмы «Пугачев» в переводе Франца Элленса и Марии Милославской под общим названием «Исповедь хулигана» (конец сентября) с предшествовавшими этому разными журнальными публикациями и статьями — все это обеспечивает Есенину прочное место в французской картине русской пореволюционной поэзии.

Станислас Фюмэ пишет:

О современной — о самой свежей — русской литературе, мы здесь знаем немного. Какова была в сущности ее эволюция с 1914 г., с того времени, когда мы общались с русскими поэтами, когда Бальмонт, Брюсов, Блок, Андрей Белый, Волошин слыли учителями? По всей вероятности, она пошла по своим тогдашним направлениям дальше, так как ни политические события, ни социальные волнения никогда не руководили искусством. Я, конечно, не сомневаюсь, что поэты стали воспевать «освободительную революцию» и «новые зори», готовые озарить все столпы иллюзии; но, в общем, это в счет не идет. Идти по следу искусства надо, вглядываясь во внутренний мир, где сосредоточивается чувствительное, где в соприкосновении с мировой Реальностью и в ритме биения крыльев голубя-Вечности ощущаются его новые вибрации. Все, что я, кажется, знаю о современной России в литературном отношении, — это

²⁶ Современное есениноведение. 2015. № 2 (33). С. 6–8 (пер. и коммент. М. Никё; редакция С. Субботина).

²⁷ См.: <http://www.pravmir.ru/vera-i-tvorchestvo-v-russko-frantsuzskom-dialoge-1929-1931-godov/> (дата обращения: 17.02.2025).

²⁸ См. Никё М. С. Есенин в бельгийских журналах 1921–1922 гг. Новые материалы // Есенин и мировая культура: Материалы Международной научной конференции, посв. 112-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред.: О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 88–100.

то, что родился новый поэт, не столь, наверное, виртуозный или искусный, как Александр Блок, но с лиризмом более напряженным, более ясновидающим, более *наивным*, если дать последнему слову тот смысл²⁹, который оно имело во времена Монтеня. Оказывается, именно такой поэт встретился Айседоре Дункан, и она вышла за него замуж.

Сергей Есенин — крестьянин из Рязанской губернии. Говорят, что он белокурый и очень молодой. Он до костей русский до костей, упоенный светом небесных светил и пением птиц. Его вдохновение — чисто мистическое и тем не менее щедро-человеческое. Он воспевает не столько коллективизм сограждан, сколько соборность (collectivism) всего бытия — но не по образцу унанимистов³⁰, которые выстроили довольно иррациональную систему на основе ложной интуиции.

Есенин поднимается над машинами и тяжкими силами, которые придумал человек. Он поэт открытого воздуха пространства, у него есть удачные стихи, вроде этих:

Все мы — гроздья винограда
Золотого лета³¹.

Проявление его чувств — необычайной чистоты [цитируется 5 строк поэмы «Товарищ»³²]:

Но, быть может, еще лучше [идет начало одного из стихотворений³³]:

Я выбрал эти стихи в переводе Пьера Паскаля. Я узнал еще, что в последних поэмах Есенина есть крайности, ибо он якобы соблазнился имажинизмом. Имажинисты — это русские поэты, на которых, по всей вероятности, сильно повлияли наши поэты и немецкие экспрессионисты. Но надо было бы знать те стихотворения, которые пишет сейчас Есенин, чтобы иметь о нем правильное мнение. Кстати, скоро можно будет полнее познакомиться с полным творчеством поэта³⁴, который какое-то время очаровывал страдающую Россию.

В том же «Clarté» (№ 23 от 15 окт. 1922) под названием «Исповедь хулигана» была помещена компоновка из двух стихотворений Есенина: «Сторона ль

²⁹ Т. е. первобытный, естественный.

³⁰ Унанимизм — литературное течение, возникшее во Франции около 1906 г. Поэты-унанимисты (главным из которых был Жюль Ромэн) стремились показать «единодушную» (unanime) жизнь людей и вещей.

³¹ «Певущий зов».

³² «Товарищ».

³³ «За темной прядью перелесниц...».

³⁴ Намек на готовящийся к изданию сборник переводов Франца Элленса и Марии Милославской, который выйдет в конце сентября 1922 г. (La confession d'un voyou, Paris, J. Povolozky).

ты моя сторона...» и «Разбуди меня завтра рано...» (перевод Милославской и Элленса).

Итак, Есенин представлен впервые французскому читателю через его революционную, с религиозной образностью, поэзию; при этом Пьер Паскаль подчеркивает деревенскую и природную образность есенинской поэзии. Доминирующий первоначальный образ Есенина — библейский пророк революции, который озадачит критику, и поэт русской деревни. Первые отзывы о нем исходили от представителей идеалистического (религиозного) мышления (Извольская, Элленс, Паскаль, Фюме) с левыми взглядами. Все признавали его большой талант. Сведения о Есенине Извольская и Элленс черпали у русских обозревателей литературной жизни России (Яценко, Эренбург).

Решающую роль в создании определенного образа Есенина сыграет писатель Франц Элленс (1881–1972) вместе с И. Эренбургом. Потеряв веру в 18 лет, он сохранил религиозное чувство, более или менее пантеистическое. Во время Первой мировой войны он жил главным образом в Ницце и там знакомился с Матиссом, Модильяни, Метерлинком и А. Архипенко, одним из основоположников кубизма. Через Архипенко Элленс знакомится с русскими революционерами-эмигрантами, в т. ч. с Борисом Савинковым. Он станет беспартийным коммунистом. Там же, у Архипенко, он встретил свою будущую (и вторую) жену, Марию Марковну Милославскую, родом из Ростова-на-Дону. Мы не знаем обстоятельств знакомства Эренбурга с Элленсом, но именно Эренбург свяжет в 1922 г. Есенина с бельгийским поэтом. Эренбург был знаком с Есениным с осени 1917 г. и следил за его творчеством. В 1921–1922 гг. он опубликовал в Берлине несколько статей о его творчестве³⁵.

Встреча Есенина со своим будущим переводчиком произошла в Брюсселе в июле, где Есенин остановился по пути из Германии в Париж (между 5 и 27 июля 1922 г.). Об обстоятельствах этой встречи и ее последствиях рассказывается в воспоминаниях бельгийского писателя:

Я сидел за письменным столом в своей комнатухе и был не в духе <...> Вдруг звонок заставил меня поднять голову. Кто мог прервать мою работу в такой час? Я встал и подошел к окну. На обочине улицы стояла машина; в ней сидели две дамы, одна из которых, старшая, смотрела на дом с любопытством. Перед воротами стоял молодой белокурый человек высокого роста, который был мне

³⁵ Эренбург И. О некоторых признаках расцвета российской поэзии // Русская книга. Берлин, 1921. № 9. С. 3–5; Сергей Александрович Есенин // Эренбург И. Портреты русских поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922. С. 82–91; Эренбург И. Сергей Есенин. Третьякница. Исповедь хулигана: [Рец.] // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 1. С. 17–18; И.Э. <Илья Эренбург>. Сергей Есенин. Пугачев [Рец.] // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 15–16. Об этих публикациях (в т.ч. с текстами рецензий) см.: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 3. Кн.1. С. 180, 214, 263–264, 297–298.

неизвестен. Жена [Мария Милославская] пошла открыть, слышались шаги по лестнице, и в дверях моего кабинета появился незнакомец. Жена представила его: Сергей Есенин.

Вообразите себе мое удивление. Газеты всего мира недавно говорили на разный лад о парадоксальной свадьбе этого молодого русского поэта, совершенно не известного в Европе, и Айседоры Дункан, которая была старше него на 25 [так!] лет. Танцовщица и сидела в машине, там, внизу. Я поспешно спустился по лестнице, подошел к ней с волнением, поблагодарил за визит и пригласил ее к нам, заранее извиняясь за скромный прием. Несмотря на мою настойчивость, она предпочла ждать в машине. Есенин, кстати, не намеревался долго задерживаться. Признаюсь, отказ Айседоры меня оскорбил.

Есенин не знал ни слова по-французски. Мария Марковна стала переводить. Он сообщил мне, что он прочел «Басс-Бассина-Булу»³⁶ в переводе Эренбурга, от которого и получил мой адрес. Он предложил нам перевести на французский язык сборник своих стихотворений и назначил нам свидание на следующий день в гостинице «Метрополь», где он остановился с женой.

На минуту наше жилище озарила одна из самых прекрасных и свежих [молодых] личностей, с которыми мы до сих пор встречались. Мы с нетерпением ждали следующего дня, и нам было также любопытно посмотреть на [знаменитую] танцовщицу. Но, как и накануне, она осталась в стороне, и я еле смог сказать ей несколько слов. Потом я понял причину этого добровольного ухода в тень: она предложила брак поэту только для того, чтобы вытащить его из безвестности <...> Я думаю, что Айседора решила пожертвовать частью своей собственной славы ради славы поэта. В этой любви было что-то трагически-величественное, и это пытались осмеивать.

Когда Есенин прочел моей жене несколько своих стихотворений и когда она ему сказала, что мы с радостью возьмемся за их перевод, он робко спросил о наших условиях. Жена перевела мне вопрос, который смутил меня так же, как и его. Я ответил, что мы об этом не подумали, что мы поговорим об этом попозже, по окончании работы. Но Есенин настаивал и предложил нам сумму, которая показалась нам баснословной [совсем несоответствующей]. Я искренне стал возражать и еще раз сказал, что мы возместимся за счет прибыли от продажи книги. Он ничего не хотел слышать.

— Это справедливо, — сказал он, — что ваша работа будет оплачена. Я знаю цену времени.

³⁶ «Негритянский» роман Ф. Элленса («Bass-Bassina-Boulou», Paris: Rieder, 1922) о деревянном фетише, которому колдун (образ поэта) вдывает жизнь (как Пигмалион) и который открывает мир (в том числе и Париж). Он был выпущен по-русски (пер. под редакцией И. Эренбурга) берлинским издательством Verlag S. Efron.

И он вынул из бумажника тысячефранковый билет, который протянул мне, добавив, что я его обижу, если откажусь от этого задатка. Выражение его просьбы было таким искренним, таким дружественным и к тому же настолько доброжелательным, что я решился согласиться.

Эти деньги, которые упали на нас с неба в те дни, когда нам часто не хватало даже необходимого, ознаменовали начало лучших времен. Это счастливое событие придало значение тому незначительному случаю, который накануне обнаружил мне состояние нашего материального положения. Вернувшись домой, я увидел перед моим письменным столом вместо обычного стула плетеное кресло, которое наша хозяйка, женщина глупая, но сердобольная, поставила для меня.

— Как г-н Элленс может так жить, никогда не отдыхая! — заявила она.

Вот уже полтора года, как я сидел только на обычном деревянном стуле. Это кресло, каким бы простым оно ни было, стало в моих глазах символом нашего нового достатка.

Мы сразу взялись за работу. Жена переводила слова, я сочинял фразы. Скоро я проникся истинной страстью к этой работе. Впоследствии я еще кое-что переводил, и всегда с пользой для себя. Нет лучшего стилистического упражнения. Если переводчик сознаёт свою миссию, он обязан не только найти слова и выражения, которые точно соответствуют смыслу оригинала, взвесив их на своих весах, по выражению Валери Ларбо³⁷, но к тому же он должен заменить дух языка, с которого он переводит, духом своего языка, стараясь при этом не портить стиль автора, не нарушать ни его движения, ни его характера. Это очень трудно; эта работа требует точности, чувства такта, и вкуса. Мой музыкальный инстинкт оказался для этого полезным.

Скоро перевод был окончен. По просьбе автора я написал предисловие, чтобы представить русского поэта французской публике. Затем я поехал к Есенину в Париж. <...>

Сначала я ежедневно встречался с Есениным в маленьком особняке, принадлежавшем Айседоре Дункан. Мы говорили друг с другом мало, с помощью очень скудного запаса английских слов, иногда даже знаками, как глухонемые. Поэты часто бывают плохими полиглотами. Несмотря на то, что вот уже двадцать с лишним лет я слышу около себя русскую речь, я никогда не мог по-настоящему выучить этот язык. В то время, о котором идет речь, я еле знал его азы. Тем не менее, эти часы, проведенные с поэтом в молчаливой дружбе, открыли

³⁷ Валери Ларбо (Valéry Larbaud, 1881–1957) — французский писатель, переводчик английской и испанской литературы (Уолт Уитмен, Джозеф Конрад, Уильям Фолкнер, Джеймс Джойс, Рауль Гомес де ла Серна, Габриэль Миро, Мигель де Унамуно), автор книги о переводе «Sous l'invocation de Saint Jerome» (Paris: Gallimard, 1946), в которой встречается образ весов переводчика.

мне о его личной жизни и о жизни танцовщицы больше, чем откровенные признания³⁸.

Выбор Элленса (по совету Эренбурга) как посредника был удачным: Элленс был поэтом и с симпатией следил за литературной жизнью новой России. Для первого заграничного сборника стихотворений Есенина под названием «Исповедь хулигана» он выбрал 8 стихотворений и поэму «Пугачев». Отсутствуют пейзажная лирика и революционно-библейские поэмы, но выбор хорошо отражает разнообразие есенинского творчества, от 1915 г. («Песнь о собаке») до 1922 г. («Всё живое особой метой...»), включая «Исповедь хулигана» и «Дождик мокрыми метлами чистит...» (<«Хулиган»>), «Устал я жить в родном краю...», «Песнь о хлебе», «Кобыльи корабли» и лирическое «Закружилась листва золотая...».

Еще до появления сборника (в конце сентября 1922 г.) Элленс написал большую статью о Есенине для бельгийского журнала «Le disque vert» (août 1922, № 4, р. 87–93) под названием «Великий современный русский поэт: Сергей Есенин»³⁹, которую он потом использует как предисловие к сборнику переводов. Начало статьи с рассказом о дяде, который посадил на кобылу мальчика трех лет отроду или бросал его в воду, чтобы он научился плавать, видимо, опирается на есенинскую автобиографию 1922 г., в которой правда и вымысел смешаны. Эренбург мог ее пересказать Элленсу. Крестьянский сын, дитя природы, юность среди полей — эти характеристики прикрепятся к поэту, который был не чужд мифологизации. Элленс сравнивает Есенина с Верхарном:

Если надо искать на Западе что-то похожее на поэзию Есенина, я бы выбрал поэзию Верхарна. Некоторые аналогии позволяют провести параллель между обоими поэтами. Как и Верхарн, Есенин, придя из деревни, испытал страшное воздействие города. <...>

Поэзия Есенина намного менее рассудочна, чем стихи поэта «Буйных сил» <аллюзия на заглавие одной из книг Верхарна>; Есенин целиком подчинен более инстинкту, чем разуму; он буквально «одержим» своей землей, своей страной, что отражается во всей его поэзии. Ее форма также гармоничнее, естественнее, менее расхлябана, чем у Верхарна. <...>

³⁸ Никё М. Русский поэт и танцовщица (воспоминания Франца Элленса о С. Есенине и А. Дункан: публикация, перевод, комментарий) // Современное есениноведение. 2008. № 8. С. 19–21, 23.

³⁹ Пер. на рус. яз. см в: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 3. Кн. 2 / гл. ред. А.Н. Захаров; сост.: А.Н. Захаров, С.И. Субботин; сост. разд.: М.В. Скороходов, Н.И. Шубникова-Гусева. С. 136–142.

Если Маяковский — поэт, порожденный революцией, то Есенин — поэт, порожденный Россией в целом, старой и новой Россией⁴⁰.

Статью Элленса отметят газеты «Excelsior» (15 août 1922), «L'Intransigeant» (21 août 1922), «La Revue mondiale» (1-er octobre 1922).

Элленс, как и многие, кто писал о Есенине, принимает поэтическую исповедь Есенина за настоящую его биографию⁴¹, невольно создавая о нем миф (миф в смысле нарратива). Еще раз подчеркнем — здесь невозможно прямое отождествление лирического героя с реальной личностью. Есенин воссоздает действительность, отталкиваясь от реального опыта, создает новую, поэтическую биографию. Но расстояние между правдой и вымыслом, т. е. творческое пространство, будет сокращаться все больше и больше, вплоть до рокового замыкания.

Список литературы

1. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
2. Косиков Г.К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // *Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / сост., вступит. статья и коммент. Г. К. Косикова. М.: Высшая школа, 1993. С. 5–40.*
3. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3. Кн. 1 / гл. ред. А.Н.Захаров; сост.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров. 473 с.
4. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 3. Кн. 2 / гл. ред. А.Н. Захаров; сост.: А.Н. Захаров, С.И. Субботин; сост. разд.: М.В. Скороходов, Н.И. Шубникова-Гусева. 572 с.
5. Мекш Э.Б. Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига: Латв. гос. ун-т, 1989. 119 с.
6. Никё М. Русский поэт и танцовщица (воспоминания Франца Элленса о С. Есенине и А. Дункан: публикация, перевод, комментарий) // *Современное есениноведение. 2008. № 8. С. 18–27.*
7. Никё М. С. Есенин в бельгийских журналах 1921–1922 гг. Новые материалы // *Есенин и мировая культура: Материалы Международной научной конференции, посв. 112-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред.: О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 88–100.*
8. Никитина Е. «Мечтая о могучем даре того, кто русской стал судьбой...» // *Газета Саратовского гос. университета. URL: http://paper.sgu.ru/?id_a=707 (дата обращения: 10.02.2023).*
9. Ронен О. Из наблюдений над стихами «промежутка» // *Пятые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 23–26.*
10. Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И. Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927) // *Литературный факт. 2019. № 13. С. 341–378.*
11. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.
12. Шубникова-Гусева Н.И. Дискурс русской эмиграции о Есенине, конференция «Первые встречи Института Восток-Запад», Lyon, ENS LSH, 2–4 декабря 2004 г. URL: http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php3?id_article=48 (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁰ Там же. С. 139–140, 141.

⁴¹ Там же. С. 136–138 (подробности).

**М. Никё. Ранний прижизненный
образ Есенина во Франции**

13. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека». М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 684 с.
14. *Henry H. Verlaine, poète russe* // *Slavica occitania*. Toulouse, 2000. № 10. P. 179–193.
15. *Khazan V.I.* Заметки к теме «Смерть в художественном мире С. Есенина» // *Revue des Études slaves*. Paris, 1995. Т. 67 (fasc.1). P. 49–64.
16. *Shubnikova-Guseva N.I.* Французские источники *Черного человека* С.А. Есенина // *Revue des Études slaves*. Paris, 1995. Т. 67 (fasc.1). P. 127–140.